

Р.И. САЛГАНИК

*Академик РАН,
сотрудник ИЦиГ с 1957 г.*

ПРЕДАННОСТЬ ГЕНЕТИКЕ

Очень трудно уложить в несколько страниц воспоминания о человеке, с которым мы провели рядом около 30 лет. Я опасаясь разматывать ленту памяти, кажущуюся бесконечной. Чем глубже мы погружаемся в прошлое, тем больше всплывает образов, переживаний, подробностей, которые могут закрыть то главное, что происходило в нашей жизни, то главное, чем был для нас Дмитрий Константинович Беляев. Сотрудники — за глаза, а близкие товарищи и прямо в глаза называли его ДК. В этом не было фамильярности, скорее, было уважение и доверие.

Самой замечательной особенностью ДК была страстная преданность генетике, науке-мученице, подвергавшейся в советское время гонениям и запретам. Мучениками были, конечно, и носители генетических знаний, ученые-генетики, изгнанные из лабораторий, невинно осужденные, томившиеся и погибавшие в тюрьмах и лагерях, уходившие из жизни от безысходности. Так погиб в заключении старший брат ДК, Николай Константинович, по словам людей, знавших его, высокоталантливый ученый, который приобщил ДК к генетике, ввел его в круг блестящих российских ученых. Судьба старшего брата вносила особую страстность, особую преданность в отношении ДК к генетике.

Когда под сильным давлением выдающихся физиков и математиков, основателей сибирского научного центра, Академгородка, академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича и других было дано «высочайшее» согласие Н.С. Хрущева на создание Института цитологии и генетики в Новосибирске, знаменовавшее воскрешение научной генетики в стране, где долго царил псевдонаука Т.Д. Лысенко, не признававшего ни хромосом, ни генов, ни ДНК, у генетиков, и в том числе у ДК, не было колебаний, они устремились в Сибирь.

Я впервые встретился с ДК в пропахшем дрозофилиным кормом бараке в Москве на Профсоюзной улице, где размещалась воскресшая из небытия генетическая лаборатория Николая Петровича Дубинина, которому была поручена организация Института цитологии и генетики в Сибири. Барак на Профсоюзной улице стал штабом возрождаемой генетики. Война была свежа в памяти ученых-фронтовиков, и разговор между мужчинами начинался с вопроса о том, где и в каких войсках воевал. Это сразу сблизило меня с ДК, породило взаимное доверие, сохранившееся на все годы нашей работы в институте, которая нередко напоминала боевые действия. С первых месяцев существования инсти-

туда начались попытки лысенковцев сокрушить в самом зародыше это гнездо морганистов-менделистов. Так называли нас противники, и это прозвище мы с гордостью носили. За ним были имена великих ученых — основателей генетики. Комиссия за комиссией приезжала из Москвы в институт, чтобы найти идеалистическую крамолу, свидетельства абсолютной бесполезности и бесплодности этой науки. В Новосибирске собирались выдающиеся российские генетики старшего поколения и полная энтузиазма научная молодежь, тайком приобщавшаяся к генетике. Исследования начинались «с колес», в малоприспособленных помещениях, в непривычных для большинства условиях. Однако с первых дней были продолжены прерванные разгромом генетики работы по радиационному и химическому мутагенезу растений, полиплоидии, гетерозису. ДК возглавил и развернул интенсивные работы по генетике животных. Появились первые ощутимые плоды: триплоидная высокосахаристая свекла, полученная А.Н. Лутковым и его коллегами; прекрасные гибриды кукурузы Ю.П. Мирюты; гибриды пушных зверей ДК поражали экзотичностью окрасок меха; мне удалось показать высокую противовирусную активность нуклеаз и развернуть их производство для больших клинических испытаний. Это было наше оружие для отражения атак лысенковцев. ДК на посту заместителя директора делал многое для развития и укрепления института. Было замечательное единство, и даже противники наши говорили, что институт стоит как скала. Нас поддерживало Сибирское отделение Академии наук во главе с М.А. Лаврентьевым, и когда приехала особая комиссия с целью сокрушить эту скалу и покончить с генетикой, у Михаила Алексеевича хватило смелости, ума и даже хитрости, чтобы отправить ее ни с чем. Однако Н.С. Хрущев под влиянием близких ему по духу, по невежеству и неприязни к генетике лысенковцев потребовал убрать Н.П. Дубинина с поста директора. На Сибирское отделение обрушились санкции за непослушание, срезали финансирование. Н.П. Дубинин вынужден был уйти с поста директора и вернуться в Москву. М.А. Лаврентьев, который успел узнать ДК и проникнуться к нему уважением и доверием, предложил ему возглавить институт. ДК не рвался к власти, но понимал, что он, самый молодой из старшего поколения, должен согласиться ради сохранения института. Тогда он мне, самому старшему из молодого поколения, предложил стать заместителем директора института по науке. Мы оба приехали в Академгородок с единственной целью: реализовать наши научные замыслы, а не делать административную карьеру. Под давлением ДК я вынужден был принять его предложение и оставался на этом посту рядом с ним около 30 лет. Обязательным условием, которое мы оговорили, было сохранение возможности для нас полноценно заниматься наукой. Оно неуклонно выполнялось все эти годы.

ДК был человеком широкообразованным и разносторонним. Он не только блестяще знал и преданно любил генетику, но и был незаурядным биологом-эволюционистом. Он любил и знал музыку и живопись.

Хорошо знал историю России и особенно военную историю. ДК сохранил глубочайший пиетет к нашей армии, которая ценой огромных жертв вынесла на своих плечах Отечественную войну 1941 — 1945 гг. и сыграла решающую роль в победе над фашизмом. Он постоянно находил время для чтения. Мне кажется, что, читая исторические книги от Макиавелли и Клаузевица до Черчиля и Жукова, он интересовался наукой управления людьми и делал какие-то выводы для себя. ДК был твердым (но не жестким) руководителем. Ему импонировала маска суровости, но под этой маской было глубокое сочувствие к людям, стремление помочь попавшим в беду, что он не раз проявлял в большом институтском коллективе, где неизбежно происходили не только радостные, но и печальные события. ДК понимал, что для управления большим и сложным коллективом нужна не только твердость, но и гибкость.

Длительное время институт оставался единственным местом в стране, где масштабно и интенсивно развивались основные направления генетики. Главной заботой ДК было развитие и укрепление института. Он многое сделал для того, чтобы институт получил международное признание, чтобы выдающиеся ученые из разных стран приезжали в институт и в сибирской «глуши» находили первоклассный научный центр и современный, интенсивно работающий коллектив ученых, с которыми устанавливались прочные связи.

ДК настороженно относился ко всему в институте, что не имело прямой связи с генетикой. Мы были очень разными по характеру людьми: он — ученый одной страсти, одной идеи; я — человек увлекающийся, если мною овладевала новая научная идея, я не мог противостоять соблазну проверить ее справедливость. При этом генетика неизбежно соединялась с биохимией и молекулярной биологией. Надо сказать, оба столь разных подхода приносили плоды. Тем не менее ДК пенял мне, говоря, что это не генетика, а надо заниматься генетикой, однако никогда не пытался воспрепятствовать мне. Я был свободен в своих научных устремлениях. Мы с моими сотрудниками занимались молекулярными механизмами мутагенеза, механизмами геномных перестроек. Нам стало ясно, что точечные повреждения ДНК, окислительная или иная модификация отдельных нуклеотидов, если они находятся в противолежащих участках двух нитей ДНК, при репарации приводят к двунитевым разрывам, а далее — к буре рекомбинаций, к эволюционным скачкам. Это очень перекликалось с представлениями ДК о роли стрессов в эволюции. Мне так хотелось рассказать ему о наших наблюдениях. Но, увы, уже было поздно: он уходил из жизни и все меньше становился доступным мирским тревогам.